

зета «Скынтейя» отмечает курс теории языка проф. А. Граура, упрекая его в декларативном пользовании эпитетами «идеалист, метафизик, реакционер» без настоящей марксистской критики реакционного языкознания, в широком цитировании Соссюра без особой надобности и без противопоставления идей передовой лингвистики этому лингвисту-идеалисту.

Задачи, стоящие перед румынскими языковедами и еще не решенные, акад. Е. Петрович формулирует так: «составление единой описательной и нормативной грамматики румынского языка и сравнительной грамматики языков русского и румынского, составление русско-румынского и румыно-русского словарей, издание словаря Академии РНР, печатание которого было начато 40 лет тому назад, составление и издание двуязычных словарей — румыно-венгерского, венгеро-румынского, румыно-немецкого, немецко-румынского, изучение диалектов румынского, венгерского, немецкого (саксонского в Трансильвании) и говоров украинских, словацких, чешских, сербских, болгарских и др., представленных на территории РНР».

Свободное развитие демократической Румынии, успешно осуществляющей строительство социализма при поддержке великого Советского Союза, обеспечит дальнейший рост и процветание материалистической науки и передового языкознания.

Д. Е. Михальчи

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» положил начало новой эпохе в развитии науки о языке. И. В. Сталин создал теорию марксистского общего языкознания и дал тем самым прогрессивным языковедам всего мира программу работы в области теоретического и прикладного языкознания на основе творческого марксизма.

Исключительно велико значение трудов И. В. Сталина по языкознанию для всей идеологической, теоретической и организационной работы чехословацких языковедов. В Чехословакии ведет исследовательскую работу большая высококвалифицированная группа лингвистов. Как известно, в период, предшествовавший лингвистической дискуссии в СССР, ведущим направлением в чешском языкознании была структуральная лингвистика. Пропагандой принципов этого направления, начиная с 1929 г., занимался «Пражский лингвистический кружок», объединявший группу чехословацких и зарубежных лингвистов. Органами этого кружка являлись периодический журнал «Slovo a slovesnost» (с 1935 г.) и сборники «Трудов» кружка. В 1946 г. был основан «Братиславский лингвистический кружок», издававший с 1947 г. журнал «Slovo a tvar».

Основные теоретические положения пражской «школы» структуралистов явились логическим развитием идеалистической концепции языка, выдвинутой де Соссюром. Идеалистическая концепция структурализма в некоторых пунктах смыкалась с антимарксистской «теорией» Марра. Это понимали и сами структуралисты. Проф. Гавранек отмечал, что «новое учение» о языке Марра и пражская школа структуралистов стоят ближе друг к другу, чем это некоторым казалось. Роднили их, в частности, неправильная оценка результатов языкового скрещивания, которое якобы приводит к образованию нового языка, и преувеличение роли семантики при истолковании языковых фактов¹. Сторонники «теории» Марра стремились выдать «новое учение» о языке за марксистско-ленинское языкознание. Критика структурализма с марровских позиций не могла помочь чехословацким лингвистам. А именно такая критика содержалась в порочной статье проф. Чемоданова «Структурализм и советское языкознание»², пропагандировавшей антимарксистские установки «нового учения» о языке Марра. Чехословацкие языковеды нуждались в марксистских установках в области языкознания, которые позволили бы им творчески развивать свою науку и плодотворно работать на благо республики, идущей по пути к социализму.

Такое методологическое руководство содержалось в гениальных трудах И. В. Сталина по языкознанию. Это величайшее событие в истории прогрессивной науки было с радостью встречено языковедами Чехословакии. Переводы трудов И. В. Сталина были опубликованы во всех чешских и словацких газетах и вышли отдельными изданиями в Праге и Братиславе. На философских факультетах университетов состоялись теоретические конференции языковедов. В журналах стали публиковаться статьи, раскрывающие значение сталинского учения о языке для всех отраслей науки.

Первая конференция, посвященная гениальным трудам И. В. Сталина, состоялась на философском факультете Карлова университета 29 июня 1950 г. В ее работе

¹ См. В. Н а в р á н е к, Naše pojetí slovanské filologie a její dnešní úkoly, «Slavia», R. XVIII, 1947—1948, seš. 3—4.

² См. «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1947, № 2.

приняли участие представители всех кафедр³. В докладах Ф. Травничка и Б. Гавранека было подчеркнуто значение труда товарища Сталина для дальнейшего развития чешской лингвистики, были вскрыты причины неkritического отношения к «теории» Марра и осуждены диктаторские методы, применявшиеся сторонниками Марра в научной работе. Проф. В. Скаличка и А. Исаченко дали оценку сравнительно-исторического метода, применявшегося чешскими и словацкими языковедами. В дальнейшем работа по перестройке преподавания языковедческих дисциплин была перенесена на отдельные кафедры философских факультетов, из которых в минувшем учебном году выделились самостоятельные филологические факультеты.

Наибольший интерес представляет дискуссия о структурализме, открытая журналом «Творба» в целях разоблачения этого идеалистического направления. Редакция журнала подчеркнула, что учение И. В. Сталина о языке в полной мере еще не усвоено чехословацкими языковедами, что дальнейшее развитие языкознания возможно лишь на марксистской основе в условиях научных дискуссий, критики и самокритики в научной работе.

Дискуссия открылась статьей П. Сгала «Труды И. В. Сталина по языкознанию и пражская структуральная лингвистика»⁴. Автор указывает, что основной задачей языковедов Чехословакии является разоблачение идеалистической сущности структурализма. Это можно сделать лишь на основе сталинского учения о языке. Характеризуя обстановку, в которой возник структурализм, т. Сгал отмечает, что в период существования буржуазной Чехословацкой республики пропаганда структурализма была одной из форм борьбы идеологов буржуазии с методом диалектического материализма, и делает вывод, что в своей сущности структурализм является разновидностью идеализма в общественных науках. Особо отмечается вредная деятельность белоэмигранта-космополита Р. Якобсона, который, прикрываясь маской «беспартийности» в вопросах философии, сознательно пропагандировал идеализм в то время, когда прогрессивные языковеды Чехословакии еще не могли опереться на теорию марксизма-ленинизма.

Приведя основной тезис структуралистов, что «язык является системой отношений, обусловленных своей взаимной связью», т. Сгал правильно заключает, что структуралисты, анализируя отношения языковых элементов, переоценивали эти внутренние отношения в языке и игнорировали более существенные связи языка с развитием общества и мышления. Все внимание исследователей сосредотачивалось только на этой связи, на выяснении взаимоотношения компонентов языковой структуры. Структура языка освобождалась от понятий времени и развития. Связь развития языка с историей общества подвергалась искажению: языкознание сознательно подразделялось на «внутреннюю» и «внешнюю» лингвистику. По мнению структуралистов, «внеязыковая действительность» мешает исследованию «имманентного» развития языка. Такое понимание языка и законов его развития несовместимо с учением И. В. Сталина о языке как общественном явлении.

Автор считает немарксистским структуралистическое определение языка как системы знаков, имманентных по отношению к мышлению и развитию общества. Природу языкового знака структуралисты всегда истолковывали в идеалистическом духе. Непонимание общественной сущности языка структуралистами усугублялось идеалистической трактовкой самого общества и законов его развития. Здесь имели хождение схемы буржуазной социологии, не имеющие ничего общего с марксизмом.

Идеализм в общественных вопросах приводил структуралистов к искаженному антиисторическому представлению о законах развития и функционирования языка. В особенности ярко антиисторизм структурализма проявлялся в противопоставлении и разрыве синхронии и диахронии, статического и исторического изучения языка. Для структуралистов оставались неясными основные закономерности исторического развития языка. Поэтому при объяснении причин изменения языковой структуры они почти всегда скатывались на позиции механицизма или вульгарного социологизма, связывая эти изменения с языковыми скрещиваниями или отдельными историческими событиями. По мнению П. Сгала, структуралисты незаконно создали новый раздел науки «семиологию» (науку о знаках), составными частями которой объявили языкознание, эстетику и искусствознание. Подобное отождествление языка и культуры подготовило почву для принятия некоторыми учеными основного антимарксистского положения Марра о языке как идеологической надстройке.

Чешские структуралисты неоднократно подчеркивали, что их отличает от копенгагенской «школы» функциональный подход к элементам языковой структуры⁵. Однако функциональный подход к языку при отсутствии правильного представления о характерных признаках языка и его общественной сущности приводил к грубейшим

³ Содержание докладов на этой конференции изложено в сборнике «Oblas článku J. V. Stalina „O marxismu v jazykovědě“ na našich vysokých školách», Praha, 1951.

⁴ «Tvorba», № 28 от 12 июля 1951 г.

⁵ Ср., например, V. S k a l i ě k a, Kodaňský strukturalismus a «pražská škola», «Slovo a slovesnost», R. X, 1948, № 3.

ошибкам. Так, структуралисты учили, что функции языка в различных «проявлениях» различны. По их мнению, язык художественной литературы (*básnický jazyk*) принципиально отличается по своей функции от обычного языка, имеющего функцию общения. Такое разграничение приводило к отрыву литературного языка от народного, к смешению языка, диалекта и классового «жаргона» и наряду с этим способствовало росту формализма в литературе, увлечению игрой словами в ущерб передаче содержания.

Тов. Сгал подчеркнул, что чехословацкие структуралисты нигилистически относились к традициям отечественной лингвистики, забросили сравнительно-историческое изучение языков и, занимаясь по преимуществу фонологией, оторвались от практических потребностей общества. Он отмечает, что копенгагенская «школа», последовательно развивая структуралистический тезис о языке как системе противоположений, обусловленных только своей взаимосвязью, превратила языковедение в «чистую лингвистику» и совершенно оторвала изучение языка от истории говорящего на нем общества.

Дискуссионная статья П. Сгала вызвала много откликов. В ряде статей были вскрыты другие порочные положения структурализма и важнейшие недостатки чехословацкого языковедения. Проф. Ф. Травничек в статье «Структурализм — враг нашего языковедения»⁶ констатирует, что некоторые структуралисты до сих пор думают, будто бы их взгляды на язык и законы его развития совпадают с учением И. В. Сталина. Однако, указывает проф. Травничек, учение И. В. Сталина о структуре языка и внутренних законах его развития не имеет ничего общего с имманентными законами структуралистов. Предупреждение о наблюдающемся опасном стремлении примирить взгляды структуралистов со сталинским учением о языке своевременно. Так, например, Ш. Пециар в «Словацкой речи» утверждает, что «так называемая функциональная точка зрения, которую подчеркивала уже функционально-структуральная лингвистика, находится в полном согласии с марксистским учением о языке»⁷.

Ректор Карлова университета проф. Я. Мукаровский, проф. Я. Белич, проф. Травничек вскрыли основные ошибки структуралистов в изучении литературного языка. Последний в их понимании превращался в жаргон, оторванный от общенародного языка, а последовательное проведение принципа «имманентности» развития языка в практической деятельности вело к языковому пуризму. Хотя выделение различных «языков» было основано на функционально-структуральном методе, оно по существу смыкалось с антимарксистским положением Марра о «классовости» языка.

В. Барнет в своей статье «К критике структурализма в нашем языковедении»⁸, указав на антиисторизм структуральной лингвистики, подчеркнул, что структуралистической методологией была проникнута вся работа чехословацких языковедов. О глубине ее влияния свидетельствует также и то, что борьба со структурализмом началась только через год после появления работ И. В. Сталина, что за это время чехословацкие языковеды еще не создали работ на основе сталинского учения о языке.

Дискуссия вскрыла идеалистический характер основных положений структурализма. Однако редакция «Творбы», к сожалению, не подвела итогов дискуссии. Не может претендовать на это и брошюра проф. Травничка, посвященная критике структурализма⁹. В ходе дискуссии мало говорилось о задачах дальнейшей работы языковедов Чехословакии. Был совершенно обойден вопрос о внутренних законах развития языка, изучение которых является главной задачей языковедения. Не получил окончательного разрешения также вопрос о принципах типологического сравнения языков, выдвинутый в книге проф. Скалички «*Tur češtiny*», 1951¹⁰. Осталось также неосуществленным обещание редакции журнала «Славия» организовать дискуссию по вопросам славянского сравнительно-исторического языковедения¹¹.

В ходе дискуссии был поставлен и решен вопрос о взаимоотношении чешского и словацкого языков. В статье «Об отношении между чешским и словацкими языками с марксистской точки зрения»¹² проф. Травничек указывает, что в период буржуазной республики создание словацкого литературного языка расценивалось как вредное раскольническое действие словацких автономистов, как событие, разрушившее чехословацкое национальное единство. Правящие круги чешской буржуазии боролись против самостоятельного существования словацкой нации. Ошибка чешских языковедов в словацком вопросе, отмечает Травничек, заключалась не в подчеркивании языкового родства чехов и словаков, а в том, что они делали из факта близости чеш-

⁶ «Tvorba», № 37 от 13 сентября 1951 г.

⁷ Š. Pečiar, Úvodom, «Slovenská reč», R. XVI, 1950—1951.

⁸ «Tvorba». № 49 от 6 декабря 1951 г.

⁹ Trávnický F., Český jazykospytný strukturalismus ve světle Stalinova učení o jazyce, Praha, 1951.

¹⁰ Cp. Trávnický F., Strukturalistická typologie jazyková, «Tvorba», № 47, от 22 ноября 1951.

¹¹ См. «Slavia», R. XIX, 1851, seš. 2—3, редакционное примечание.

¹² «Tvorba», № 7 от 1 февраля 1951 г.

ского и словацкого языков ошибочный шовинистический вывод, что словацкий язык не является самостоятельным национальным языком, а вместе с чешскими, моравскими и силезскими говорами образует высшую языковую единицу — чехословацкий язык.

Буржуазные идеологи использовали эти выводы чешских лингвистов в целях угнетения словацкого народа, лишения его права на национальное самоопределение. Только труды И. В. Сталина о нации и языке помогли осуществить в народно-демократической Чехословакии принципы ленинско-сталинской национальной политики. По Конституции 8 мая 1948 г. «Чехословацкая республика является единым государством двух равноправных славянских народов — чехов и словаков».

Небывалый подъем национальной культуры, который наступил в Чехословакии после победы трудящихся в феврале 1948 г., отразился и на словацком языкознании. В короткий срок была осуществлена реорганизация научной деятельности, которая ныне сосредоточена в Лингвистическом институте Словацкой Академии наук и искусств и в Словацком университете в Братиславе. В настоящее время подготавливаются коллективные работы: новый свод правил словацкой орфографии, большой нормативный словарь словацкого языка, двуязычные словари, диалектологический атлас и т. п.

Языковеды Чехословакии усваивают марксистско-ленинское мировоззрение и внимательно следят за успехами советского языкознания.

Н. А. Кондрашов
